

Имя преподобного Викентия Леринского сегодня, пожалуй, известно лишь богословам. Ему не составлена церковная служба, не определено особого дня памяти. Означает ли это, что он забыт? Конечно, нет. Все святые ведомы одному Богу. Все они вместе прославляются в неделю Всех Святых, как об этом говорится в синаксаре на этот день.

Нам, живущим в другую эпоху, может ли что-нибудь дать этот святой? Да, может дать учение о Предании. Оно актуально сегодня, ибо гордый разум, отвергая Предание Церкви, не видит и не может видеть Бога. А это значит, что христианская община, принимающая одно Писание, лишает себя подлинного Богообщения.

Учение преподобного Викентия Леринского о Священном Предании

Мы крайне должны бояться греха изменять веру и нарушать Православие

Преподобный Викентий Леринский

Исследуя догматико-каноническое значение Православной Церкви как хранительницы Божественного Откровения, богословская мысль не может пройти мимо вопроса, который имеет различные оценки в христианских вероисповеданиях. Вопрос этот о Священном Предании — «исходной точке всех... богословских построений и выводов».¹

Что такое Священное Предание? Из традиционного для школьного богословия определения явствует, что многое из того, о чем учил Христос, не записано, а передано устно. В послепостольское время Предание должно было играть в Церкви роль не меньшую, чем Писание. А если Предание и Писание — это одинаковые источники Христова учения (Священное Предание «есть такое же Божественное Откровение, такое же слово Божие, как и Священное Писание»²), то удобнее считать (а если удобнее, то к этому и пришло католичество), что «само Писание является частью более обширного, хотя менее концентрированного Предания».³

Получается, что часть христианского вероучения первоначально попала в Писание, а часть осталась вне его. Если это так, то как понимать Писание? Если его понимать согласно с Преданием, то какое принимать Предание? Конечно же, не противоречащее Писанию. Получается, что Писание нужно толковать по Преданию, а Предание проверять по Писанию.

«Что-то не так», — скажет православный читатель. Но католический богослов в ответ процитирует: «Священное Предание и Священное Писание тесно и взаимно между собой связаны, ведь одно и другое, проистекая из одного и того же Божественного источника, сливаются

каким-то образом воедино и устремляются к одной и той же цели. Ибо Священное Писание есть слово Божие, так как оно записано под вдохновением Духа Божия; а Священное Предание — слово Божие, вверенное Христом Господом и Духом Святым апостолам, передает его неповрежденно преемникам их».⁴

Подобная догматическая позиция естественно приводит к учению о непогрешимости папы — носителя высшей и полной власти над всей Церковью.

Действительно, здесь что-то не так. Такое понимание Предания чуждо святоотеческому богословию, в котором возникновение проблемы Предания относится к началу христианской истории, ко II-му веку, когда гностик Маркион отверг авторитет Ветхого Завета. В полемике с Маркионом Тертуллиан писал: «Мы храним то *правило веры*, которое Церковь получила от апостолов, апостолы от Христа, Христос от Бога».⁵ Смысл высказывания Тертуллиана в том, что *Истина* там, где хранится преемственно полученное некое *правило веры*. Таким образом, Предание — не передача незаписанной ранее информации, а передача Истины, которой единственно можно жить.

В этом значении понимал Предание святитель Иринея Лионский, когда писал: «Не должно искать Истины, которую легко можно получить от Церкви, ибо апостолы, как богат в сокровищницу, положили в нее все, что относится к Истине».⁶ Как в понимании Тертуллиана, так и в понимании святителя Ирины Лионского, Предание должно сообщить *видение и постижение Истины*, а некую повествовательную информацию.

Новым этапом, в котором выяви-

лось учение о Предании, явились арианские споры. В полемике с арианами святитель Афанасий Великий ссылается на *правило веры*, выраженное в том виде, в котором оно передавалось от отцов к отцам. Не имея этого правила, невозможно понять написанное, ибо написанное обращено к уже имеющемуся *опыту*, в котором человек переживает богопознание.

В V веке святоотеческое понимание Предания изложил преподобный Викентий († ок. 450 г.), монах Леринского монастыря в Галлии, в сочинении, известном под названием «*Peregrini adversus haereticos*», то есть «*Рассуждения странника против еретиков*». Среди христиан сочинение распространилось под более конкретным названием — «*Commonitorium*», или «*Памятные записки*» («*Напоминания*»). Цель «*Напоминаний*», как явствует из заглавия, заключалась в том, чтобы «*напомнить*» христианам об основах католической веры, которую преподобный Викентий «*благоговейно принял от святых отцов*»⁷ — святителей Ирины Лионского и Афанасия Великого, а также Тертуллиана.

Богословская наука в достаточной степени изучила *Commonitorium*. Рассматриваемый у католиков⁸, он привлекал в XIX веке пристальное внимание старокатоликов, а также представителей греческой богословской науки (Д. Кириаκος). Ряд работ посвятили *Commonitorium* и отечественные богословы (В. Петрушевский, священник И. Филевский, П. Пономарев). Однако интерес к этой работе не ослабевает, поскольку вопросы, затронутые Перегрином, актуальны и в настоящее время.

Перегрин волнует вопрос, который может зародиться у всякого

мыслящего человека. Вопрос этот о критерии или мере *Истины*. “Часто со всеусердием и величайшим вниманием обращаясь к весьма многим... мужам с вопросом: каким бы образом можно было мне, [идя] некоторым верным и как бы царственным и прямым путем, отличить *Истину* вселенской веры от лживости еретического уклонения, я всегда и почти от всех получал ответ такого рода: если я или другой кто захотел бы узнать обманы и избежать козней появляющихся еретиков..., то должен... оградить свою веру двояким образом: авторитетом Священного писания... [и] Преданием вселенской Церкви”.⁹ Далее святой разъясняет, в каком отношении они находятся друг ко другу. “Быть может, — пишет преподобный Викентий, — кто-нибудь спросит: ведь канон священных книг всесовершенен и вполне разумителен; поэтому что за надобность присоединять к нему [еще] авторитет церковного разума? Та надобность, что Священное Писание... не все понимают в одном и том же смысле, но один толкует его изречения так, другой иначе; так что почти сколько голов, столько же, по видимому, можно извлечь из него и смыслов. А потому-то, вследствие такого множества изворотов крайне разнообразного заблуждения необходимо, чтобы нить толкования пророческих и апостольских писаний направлялась по норме древнего и вселенского понимания”.¹⁰ Мысль о том, что Предание служит *руководством для понимания Писания*, — главная в учении святого об отношении между Писанием и Преданием.

Указав на необходимость Священного Предания, преподобный Викентий, для объяснения его более подробно, переходит к учению о кафоличности Церкви — хранительницы Предания. “В самой же вселенской Церкви, — пишет он, — особенно должно заботиться о том, чтобы содержать то, во что верили повсюду, всегда, все, потому что то только в действительности и в собственном смысле есть вселенское, что, как показывает само значение и смысл этого слова, сколько возможно, вообще все обнимает. А этому [правилу] мы будем наконец верны при том естест-

венном условии, если будем следовать всеобщности, древности, согласию. Следовать всеобщности значит признавать истинной только ту веру, которую исповедует вся Церковь; следовать древности значит ни в каком случае не отступать от того учения, которое несомненно одобряли наши святые отцы и предки; следовать, наконец, согласию — значит в самой древности принимать определения и изъяснения всех или по крайней мере почти всех [большинства] пастырей и вместе учителей”.¹¹ В другом месте признак согласия преподобный Викентий раскрывает более определенно, указывая, что должно считать и обсуждать мнения только тех предков, которые непременно пребывали в вере и общении с единою вселенскою Церковью и были уважаемыми учителями”.¹²

Критерий преподобного Викентия обнимает только догматическое Предание, но не касается предметов Предания, относящихся к другим областям богословского ведения. “Должно... исследовать согласное суждение древних святых отцов... главным образом только касательно правила веры”, — указывает святой.¹³

Всеобщность, древность, согласие требуют неизменности Предания. Не исключает ли это развитие религии? На этот вопрос преподобный Викентий отвечает, что преуспевание религии возможно. “Только преуспевание это, — говорит он, — должно быть действительно преуспеванием, а не переменной веры. Преуспевание состоит в том, когда тот или другой предмет усовершенствуется сам по себе, а перемена в том, когда что-нибудь перестает быть тем, что оно есть, и превращается в другое”.¹⁴ Религия в отношении преуспевания может уподобиться телам. “Сколько членов у малюток, столько же и у взрослых; и если что прибавляется с течением лет, то все это существовало уже прежде в зародыше, так что потом в старце не обнаруживается ничего нового, чего не таилось бы уже прежде в детях”.¹⁵ Закону преуспевания должно следовать и догматическое учение христианства. “Пусть оно с годами укрепляется, — учит святой, — со временем расширяется, с веком возвышается, но остается неруши-

мым и неповрежденным... во всех, так сказать, членах и чувствах своих, следовательно, без малейшей сверх того перемены, без всякой утраты в своем содержании, без всякого изменения своих определений”.¹⁶

Таково учение преподобного Викентия, изложенное более полутора тысячи лет назад. Схоластическим богословием искажалась его аргументация, как искажалось и само учение о Предании. М. Скабалланович, например, считал, что у святого Викентия Писание и Предание “впервые так прямо названы *двумя совершенно самостоятельными* видами Откровения, мысль, впоследствии подхваченная схоластикой..., но чуждая в такой решительности восточным отцам”.¹⁷ Но как мы видели, преподобный Викентий вовсе не называет Писание и Предание двумя совершенно независимыми видами Откровения. Верно писал протоирей Г. Флоровский: “В глазах святого Викентия Предание не является независимой инстанцией или дополнительным источником вероучения”.¹⁸ Такое понятие о Предании как нечто независимом характерно не для православного, а для католического богословия. “Противопоставляя Предание и Писание, как два источника Откровения, полемисты контрреформации заняли ту же позицию, что и их противники — протестанты, молчаливо признав в Предании реальность, отличную от Писания. ...Предание оказалось чем-то добавленным, чем-то внешним по отношению к Писанию”, — указывал В. Лосский.¹⁹

Итак, отделение Предания от Писания чуждо святоотеческому пониманию, согласно которому Предание раскрывает содержание Писания, правильную перспективу в его понимании. Предание аутентично выражению Божественного Откровения в живом опыте Церкви.

В православном мире после 60-х годов XX века такое понимание Предания — согласное с учением святых отцов — стало общепринятым.

Виктор Костюк, I курс МДА

Примечания

1. *Филевский И., свящ.* Святой Викентий Леринский о Священном Предании и его значение. // Странник. 1896. Т. 3. С. 4.
2. *Тальзин В.* Церковное Предание. // БТ. Сб. 4. М., 1968. С. 222.
3. *Дронов М., прот.* Писание и Предание. // ЖМП. 1993. № 11. С. 9.
4. Догматическая конституция Второго Ватиканского собора. "О Божественном Откровении". Пункт 9.

Согласно этому определению, Писание и Предание каким-то образом сливаются воедино. Следовательно, до их слияния они были разделены. Желание соединить Писание и Предание предполагает, что соединяющий их наделен правом. Кто этот человек, Наделенный правом безошибочно учительствовать в делах веры... папа, выносящий окончательное решение по всем вопросам истолкования Божественного Откровения — Писания и Предания. Характерно, что папе Пию IX приписывают слова: "Предание — это я" (См. Карсавин Л.П. Католичество. Пг., 1918. С. 29). Как видим, Предание и папство связаны между собой. Это на может не привносить человеческого элемента под вид Божественного Откровения.

Откуда проистекает подобное учение? Как указывает *Vocabulaire de theologie biblique*, article Tradition, для католика источник христианского предания — авторитет Христа. (См. Пьер Грело. Предание. // Логос. 1972. № 2 (6). С.6.) Но как верно заметил А. С. Хомяков, "не авторитет Христос, ибо авторитет есть нечто для нас внешнее. Не авторитет... а Истина (см. А.С. Хомяков. ПСС. Т. 2. Прага, 1867. С.49). Когда человек признает авторитет в качестве высшей власти, познание религиозных истин у него отрешается от религиозной жизни. Среди самих религиозных истин появляются свои авторитеты. Ж. Бланк, католический священник верно (для католического богословия) заметил, что "библейская истина имеет свой собственный авторитет, не зависящий от [авторитета] церковного" (См. Бланк Ж. Авторитет Церкви в толковании Писания. // Символ. 1986. № 15. Июль. С.70). Но сколько бы не было авторитетов, над ним должен быть один высший авторитет. Что это за авторитет мы указали выше.

5. Там же. С. 19.
6. Там же. С. 20.
7. *Викентий Леринский, преподобный.* Напоминания. Казань, 1904. С. 1.
8. Migne. T. L.
9. Там же. С. 3.
10. Там же. С. 3.
11. Там же. С. 3-4.
12. Там же. С. 6.
13. Там же. С. 50.
14. Там же. С. 40.
15. Там же. С. 40.
16. Там же. С. 41.
17. *Скабелланович М.* Хранение догматов Церкви. // ТКДА. 1910. Сентябрь. С. 48.
18. *Флоровский Г., прот.* Писание и Предание с православной точки зрения. // ВРЗЕПЭ. 1964. № 45. С. 63.
19. *Лосский В.* Предание и предания. // ЖМП. 1970. № 4. С. 61.

♦ 12 марта 1996 года в Большом актовом зале Московских Духовных школ состоялась встреча с духовником Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Кириллом (Павловым).

Многие из учащихся Академии и Семинарии давно искали подобной встречи. Архимандрит Савва, инспектор МДС, начиная беседу, отметил, что особой нужды в представлении гостя нет, и сразу представил слово отцу Кириллу.

В своей краткой вступительной речи батюшка поделился своим недоумением по поводу этой встречи, назвав ее необычной. "Куда я иду? Зачем я иду? — задавал себе он вопрос. — Что я буду делать?" Правда, последовавшие далее вопросы показали, что ему как духовнику приходится заниматься своим привычным делом — душепопечением, с единственной разницей, что ныне перед ним был не один конкретный человек, а огромный наполненный зал.

Желание послушать старца подвигло некоторых учащихся к более двух часовому стоянию, так как на всех желающих не хватило места. Причина такой жажды услышать отца Кирилла была видна из самих вопросов. Большинство из записок свидетельствовало, что их авторы не имеют своего духовника, с которым

бы они могли решить многие вопросы. К сожалению, старцу подчас приходилось давать общие для всех ответы на те вопросы, где необходимо видеть состояние вопрошающего.

Необходимо отметить, что речь духовника Лавры была совершенно чужда "риторического плетения словес", на первый взгляд даже безыскусна. Но поражаал сам характер и содержание ответов, исполненных глубин духовной мудрости, соприкоснуться с которыми нас сподобил Господь.

О своей духовнической действительности отец Кирилл в частности сказал: "Люди испытывают большие неприятности как в семейной, так и в духовной жизни. Приходится их утешать и поддерживать". Батюшка еще указал на то, что ему приходится общаться с простыми людьми, а не с учеными (имея в виду учащихся Духовных школ), но не секрет, что многие из нас в самых трудных вопросах жизни, находили ответ и духовную помощь этого старца.

♦ 14 марта 1996 года состоялась защита магистерской диссертации 1 проректора МДА архимандрита Макария (Веретенникова). Первая за последние годы публичная защита явилась событием для Московских Духовных Школ.

Действительно, чувствовалось, что была проведена тщательная подготовка к защите. В библиотеке была подготовлена выставка, посвященная святителю Макарию Московскому и работам архимандрита Макария, которая свидетельствовала о том, что у соискателя ученой степени немало трудов. На защите присутствовало много ученых гостей. Все это явилось свидетельством того, что в стенах Академии все же появляются работы, которые не стыдно представить на всеобщее обозрение.

Заседание Ученого Совета открыл владыка Ректор, после чего было предоставлено слово архимандриту Платону, секретарю Совета.

Далее слово было предоставлено самому отцу Макарию, который зачитал автореферат своей работы. Все, кто интересуется церковной историей со вниманием слушали повествование о выдающемся святителе XVI века.

После обеда заседание Ученого Совета было продолжено. Началось обсуждение работы. Все выступ-